

Вестник

Германской Епархии
Русской Православной
Церкви за границей

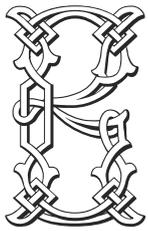
2 2014

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

*Поздравляем
со Светлым праздником
Воскресения Христова!*

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ АРХИЕПИСКОПА МАРКА БОГОЛЮБИВОЙ ПАСТВЕ ГЕРМАНСКОЙ ЕПАРХИИ

*оскресеніе Христова видѣвше, по-
клонимся святому Господу Иисусу,
Единому безгрѣшному, кресту
Твоему покланяемъ Христе, и свя-
тое воскресеніе Твое поемъ и сла-
вимъ.*

На пути к Пасхе Крест нам сопутствует постоянно, также как он нам сопутствует с момента нашего крещения и до исхода из сей жизни. *Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились... если мы соединены съ Нимъ подобіемъ смерти Его, то должны быть соединены и подобіемъ воскресенія* (Рим 6, 3 и 5).

Нет воскресения без креста. Так мы поклонялись Кресту на полпути к Пасхе в Крестопоклонную Неделю, также Крест присутствовал в наших мыслях и чувствах в Великую Пятницу, когда мы вспоминали оплевания и биения и заушения и крест и смерть, которые претерпел Господь нашего ради спасения.

Некогда крест был орудием смерти и символом позора и унижения, отверженности и незащитности. Казалось бы – символ полной немощи человека перед злом міра сего. Но на фоне и на основе богочеловеческого подвига Спасителя и Его светлого Воскресения мы христиане не боимся ни позора ни издевательств, ибо не стыдимся. Ибо мы знаем: на Кресте был распят Живодавец – сама Жизнь. На этом орудии смерти принял страдания и смерть Сын Божий, воплотившийся и облекшийся в наше брненное тело ради нашего спасения. На Кресте Он победил тление и смерть как последствие греха и проклятия человечества. Здесь Он проявил присущую Ему Одному Божественную Силу, непобедимую и непостижимую. Здесь воссияла Его победа. Отсюда Его свет осиявает и наполняет всю вселенную.

На Кресте Господь умертвил грех и смерть, лишил дьявола власти, и нас сооживил с Собой. Он дал нам *власть чадомъ Божиимъ быти* (Ин 1, 12), ибо Христу воскресшему дана *всяка власть на небеси и на земли* (Мф

28, 18). Царство Христово – оно и есть Царство Небесное. Его воскресшая жизнь уже не земная, а небесная и пренебесная. Но Его царство не ограничивается небом, а простирается и на всю землю. Ибо для того Он пришел на нашу землю и принял человеческое тело, чтобы нас сделать участниками Своей небесно-земной жизни, возводить нас к совершенству, бессмертию, вечному блаженству.

На кресте Господь проявил Свою любовь ко всему человечеству. Любовь всегда жертвенна. Истинная любовь всегда Божья, Христова, евангельская. Когда мы чувствуем и осознаем богатство этой любви Живодавца к нам, тогда наше сердце легко исполняется ответной любовью к Нему. И когда такая любовь Христова обитает в сердце, оно открыто для всей братии. Такое сердце готово служить своей молитвой, постом, милостынею, терпением, кротостью, смирением, милосердием вплоть до того, чтобы положить душу за други своя. На этом пути человек всецело может последовать за Христом: *Аще кто хочет по мнѣ ити, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой, и по мнѣ грядетъ* (Мф 16, 24).

Когда мы, православные христиане, готовы принять на себя крест свой, простирать свою любовь ко Христу и каждому своему собрату на земле, когда мы готовы подражать Ему в том действии, в котором Он *Себе умалил, зракъ раба приимъ* (Фил 2, 7), тогда только мы и уготовляемся принять Его славу и участвовать в Его *власти на небеси и на земли*, в Его всеобъемлющей любви. И торжествуя поем: *Ты бо еси Бог нашъ, развѣ Тебѣ иного не знаемъ, имя Твое именуемъ, приидите вси вѣрніи, поклонимся святому Христову воскресенію. Се бо прииде крестомъ радость всему міру!*

Христосъ Воскресе!

Воистинну Воскресе!

+ *Архиепископъ Марк*

Берлин-Мюнхен Пасха Господня 2014г.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ! СОВРЕМЕННОСТЬ В СВЕТЕ СЛОВА БОЖИЯ

Христосъ Воскресе!

Сердечно приветствуем всех наших читателей с великой и неизреченной светлой пасхальной радостью – радостью о Воскресшем Господе. Еще на Своей последней прощальной вечери с учениками Своими – на Тайной Вечери – Господь, пришедший в Иерусалим на вольную страсть, предрек об этой радости Своим ученикам, сказав им:

Паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ (Ин 16, 22).

Явившись по Своем воскресении женам-мироносицам, Воскресший Господь приветствовал их словом: *радуйтесь!* (Мф 28, 9). Несомненно, что в данном случае это слово *радуйтесь* означало нечто гораздо большее, чем обычно выражавшееся таким словом на Востоке приветствие. Можно себе представить, сколь велика была радость жен-мироносиц, а затем и всех учеников и последователей Господа, когда великая истина Воскресения стала для них очевидной и неподлежащей сомнению!

Эта дивная, ни с чем земным несравнимая радость подвигла одну из жен-мироносиц, горевшую особенно преданною любовью к Господу, изгнавшему из нее *седьмь бесовъ* (Мк 16, 9), – Марию Магдалину на такое необыкновенное мужество, что она решилась явиться с апостольской проповедью о Воскресении Христовом в самый императорский дворец в царственном Риме и, представ пред грозные очи самого императора Тиверия, поднесла ему, как символ Воскресения, красное яичко со словами: “Христосъ Воскресе!”

Эта же светлая пасхальная радость побуждала Апостолов Христовых, в начале столь робких и малодушных, разбежавшихся в разные стороны при взятии Господа под

стражу в саду Гефсиманском, мужественно и совершенно безбоязненно выступить в Иерусалиме в день Пятидесятницы перед многотысячным народом с вдохновенной проповедью о Христе, как о Спасителе нашем, Распятом и тридневно Воскресшем из мертвых, и не страшиться потом никаких угроз, прещений и преследований со стороны первосвященников, старейшин и начальников иудейских (Деян 2, 14–40; 3, 12–26; 4, 1–21; 4, 33; 5, 17–42).

Эта светлая пасхальная радость, будучи ярким светочем жизни и деятельности св. Апостолов, всегда и прежде всего благоговествовавших о Воскресении Христовом, озаряла весь жизненный путь первых христиан. Проповедь о Христе Распятом и тридневно Воскресшем из мертвых имела по истине неотразимую силу, покоряя сердца всех, кто еще не окончательно ожесточился и безнадежно погиб для Царствия Божия. Это и понятно, ибо ничего так не жаждет душа человеческая, как веры в Воскресение – веры в полное и окончательное торжество правды, добра и справедливости.

Если мы обратимся к истории Церкви, то и тут увидим, какие поразительные чудеса творила эта светлая пасхальная радость с самыми слабыми и, казалось бы, столь немощными людьми, на протяжении вот уже боле 19 столетий.

Эта дивная радость о Воскресшем Господе побуждала первых христиан, во имя ее, отречься от всех благ и преимуществ земной жизни, от своего высокого положения, земной славы, почета и богатства, и идти с ликованием и победными песнями на страшные муки за Имя Христово – на сожжение, на растерзание львам, на колесование и распятие.

Эта же чистая светлая пасхальная радость заставляла затем весьма многих бо-

гобязненных мужей и жен, юношей, отроков и дев, во имя ее, отречься от всех земных радостей, удовольствий и наслаждений, презирать все земное – для того, чтобы ближе быть ко Христу и приискреннее соединиться с Ним, еще здесь, в этой временной земной жизни, восклицая вместе со св. апостолом Павлом: *все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я отъ всего отказался, и все почитаю за соръ, чтобы приобрести Христа* (Флп 3, 8).

Во имя этой же светлой радости многие оставляли даже свои жилища и водворялись подлинно *въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ* (Евр 11, 38), не желая знать ничего, кроме Иисуса Христа Распятого и Воскресшего из мертвых. Во имя все той же радости, дабы полнее вкусить ее и насладиться ею, они распинали плоть свою со страстями и похотьми (Гал 5, 24), *сраспинались Христу*, чтобы и воскреснуть с Ним (Гал 2, 19; Кол 3, 1; Рим 6, 3–11).

Так именно воспринимал и переживал эту светлую пасхальную радость, в главной массе своей, на протяжении почти тысячелетия своего исторического бытия, и наш православный русский народ, выделивший из среды своей дивный сонм великих подвижников христианского благочестия, подлинно живших и дышавших этой пасхальной радостью, начиная с самого Просветителя Руси св. равноап. вел. кн. Владимира и кончая “радостью нашею” преподобным Серафимом, Саровским чудотворцем, и “пасхальным”, как его многие называли, “батюшкой” отцом Иоанном Кронштадтским.

“Что ты унываешь, радость моя?” – говорил преподобный Серафим приходившим к нему с печальным лицом: “Нет причины унывать: Христос Воскресе!”

Ни один народ не переживал так светло и радостно и не праздновал так торжественно и величественно Светлого Воскресения Христова, как наш православный русский народ. А когда стало ослабевать переживание этой светлой радости в сердцах

отступивших от Бога, от Церкви, русских людей, увлекшихся грубым материализмом и бездушной внешней культурой Запада, – тогда и стряслось над русской землей это страшное кровавое бедствие, от которого она вот уже более сорока лет не может оправиться и, конечно, никогда не оправится, если не вернется к своему прежнему, так грубо поруганному лютыми безбожниками и богоборцами, возвышенному идеалу Святой Руси.

Только одна чистая светлая пасхальная радость – радость о Воскресшем Господе и Спасителе нашем – способна возвышать, вдохновлять и облагораживать человеческие души, поднимая их из повседневной житейской суеты и серой, принижающей обыденщины, только она одна в состоянии рассеять мрак греховных страстей и происходящих от него скорбей на душе, преодолеть печаль и уныние на сердце, побудить человека на самоотверженный и бесстрашный подвиг во имя правды и добра – подлинно оживить человеческую душу, высоко подняв ее над всем тленным, презренным, земным и озарив ее Божественными Светом.

Глубоко несчастны мы, если жизнь нашу не озаряет эта светлая пасхальная радость – особенно в нынешнее исключительно тяжкое время – любое горе, любое несчастье, любое потрясение может ввергнуть нас в бездну отчаяния.

Но если в сердце своем носим мы эту дивную, ни с чем земным несравнимую радость, то ничто нам не страшно: ибо тогда Сам Христос, Победитель ада и смерти, – с нами.

Постараемся же сделать ее светочем всей нашей жизни, следуя призыву св. Церкви: “веселимся божественно!.. Христосъ бо воста – веселіе вѣчное...”

1961г.

[Слова и речи. Том 2.]

Свят. Филарет Московский

СЛОВО В НЕДЕЛЮ О ФОМЕ

Глагола ему Иисусъ: яко видѣвъ Мя, вървалъ еси: блажени не видѣвшіи, и въровавшие. (Ин 20, 29)

Когда, по слову Пророческому, поражен был Пастырь, и расточены овцы стада, то есть, когда Иисус Христос предан был на крест и смерть, и Апостолы Его подверглись различным искушениям: Фома был единою от овец Его, в общем рассеянии, долее прочих заблуждавшею.

Тогда как прочие Апостолы, хотя *страха ради Иудейска*, впрочем хорошо поступили, что из первоначального рассеяния, кому куда случилось, вскоре обратились искать друг друга, сошлись в известном месте, – *бяху собрани*, и, без сомнения, общую скорбь превращали в единокорную молитву; Фомы, неизвестно, по какому препятствию, или по его собственной неосмотрительности, там не было, – *не бѣ ту съ ними*. Первое последствие сего было то, что первое явление Господа воскресшего собранным Апостолам для Фомы было потеряно: *не бѣ ту съ ними, егда прииде Иисусъ*. Другое последствие, что, когда прочие Апостолы явлением Господним вновь утверждены были в вере, в которой поколебались было во время Его страдания и смерти, Фома, не смотря на свидетельство сих верных очевидцев, с неким упорством утверждал себя в неверии: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не иму въры*.

На сей случай, хотя мимоходом, обратить внимание просил бы я особенно тех, которые в особенные дни, скорбей ли, радостей ли Христианских, когда мы бываем собраны, и призываем Господа в молитве, и приемлем Его в таинстве, не бывают с нами в собрании церковном, по препятствиям ли со стороны дел мирских, впрочем большею частью не непреодолимым, или только по

своему небрежению. Не лишиться бы им благодатного посещения Того, Который обещал быть посреди собранных во имя Его, и Которого присутствие приносит с собою блаженный мир и радость неотъемлемую! Произвольным ослаблением союза с прочими верующими, который должен был укреплять их веру, не дойти бы им от слабости веры до упорного неверия!

Возвратимся к Фоме. От погибели, которую готовило ему закосневающее в нем неверие, спасла его, вероятно, еще не разрушенная неверием любовь к Господу, по которой недавно, и сам он решительно возжелал, и предлагал прочим Апостолам, с готовностью к смерти, не отставать от возлюбленного Учителя и Господа, на явную опасность жизни шедшего во Иудею: *идемъ и мы*, говорил Фома, *да умремъ съ Нимъ*. По велику сим образом любовь Фомы уже приобщилась смерти Христовой; то следовало ей приобщиться и воскресения Христова. Привлеченный ею, воскресший Господь вторично явился собранным Апостолам, собственно ради Фомы; дал ему, как он хотел, осязать язвы Своих рук, и ног, и ребр, – и сим, не простым, только внешним осязательным свидетельством, но живым прикосновением к открытым, так сказать, устиям внутреннего источника жизни, полумертвцовенного неверием Апостола воскресил в жизнь веры.

Совершив сие дело милосердия, Господь присовокупил слово правды: *видѣвъ Мя, вървалъ еси: блажени не видѣвшіи, и въровавшие*. Счастливого неверие, – так мог бы думать Фома, которым приобретено посещение Господа! Нет, глаголет Господь, ты преимущественно помилован, но не преимущественно блажен. *Видѣвъ Мя, вървалъ еси: блажени* – совсем другие. А из нас иные, взирая на пример Фомы, могли бы подумать: почто мы так несчастливы, что не можем иметь непосредственного явле-

ния и утверждения в вере от Господа? Нет, глаголет Господь и нам не видеть – не есть несчастье, когда и без того есть достаточные основания верить; напротив, не видеть и верить есть – особенное достоинство веры, и потому особенное блаженство. *Блажени не видѣвшіи, и вѣровавшіе.*

Мне кажется, что сие изречение Господне требует несколько более обстоятельного рассмотрения.

Должно вспомнить, что все Апостолы, и одни Апостолы, были пред лицом Господа, когда Он именно Фоме, с некоторым видом упрека, сказал: *яко видѣвъ Мя, вѣрвал еси*, и к сему присовокупил неопределенное изречение: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавшіе*. При первом взгляде, неожиданным и необычным представляется то, что укоряет Фому, который подлинно и заслужил укоризну тем, что угрожал не верить, если не увидит; но так укоряет, что та же укоризна поражает, кажется, и прочих Апостолов, ибо и они, хотя ранее Фомы, видели Господа, веровали. Вид необычности увеличивается ублажением не видевших и веровавших, если вообразить, что все Апостолы принадлежат к числу видевших, и следовательно лишаются ублажения. А не им ли прежде сказано: *ваша же блаженна очеса, яко видятъ?*

Надлежало приметить сии необычности, чтобы уклонением от них приблизиться к истинному разумению изречения Господня.

Если и все Апостолы, видели Господа, веровали: но великая в сем разность между Фомою и прочими. Они не имели прежде своего видения, толико, и по числу свидетелей и по способам удостоверения, сильного свидетельства о воскресении Господнем, какое имел он от них. Им видение даровано было по воле Господней, а не по их требованию. И так Фома исключительно заслужил личный упрек, потому что дерзновенно требовал видения, после свидетельств, совершенно достаточных основать веру.

Все Апостолы видели Господа: но до не-

вероятности уничижительно было бы то для их священного собора, если бы не было между ними ни одного, которому бы принадлежало возвещаемое Господом преимущественное блаженство, не видеть и верить. Не желаем видеть, и не дерзаем вообразить вас, богоблаженные Апостолы, лишенными какого-либо блаженства верующих. Явите же нам, Вы сами, кто из вас блаженный, не видевший, и веровавший? – Смотрите, братия, не сие ли самое открывает нам Евангелист Иоанн, когда, повествуя о посещении гроба Господня, в утро воскресения, двумя учениками, пишет: *вниде и другій ученикъ, пришедый прежде ко гробу, и видѣ, и вѣрова* (Ин 20, 8). Что видел он по входе во гроб? Без сомнения, то же, что видел первый ученик, именно Петр: *видѣ ризы едины лежащя*. А чему поверил? Тому ли, что пред тем возвестила Магдалина: *взяша Господа отъ гроба, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его?* Но чему тут было верить? Тут нет никакой сокровенной истины, и одно явное неведение. Чему же поверил ученик, *егоже любляше Исусъ?* Догадываюсь, и, думаю, по необходимости должно догадываться, что в ту минуту, как он, вступив во гроб, *видѣ ризы едины лежащя*; необыкновенно живая любовь необыкновенным образом возбудила в нем веру; легкая мысль, что нельзя было представить случая, по которому бы ризы, обвивавшие тело Господне с мастию, могли отделиться от мертвого тела, подала ему великую мысль о воскресении; он не видал ничего более, как отсутствие погребенного Иисуса из гроба, но во глубине любящего сердца ощутил, что живет Возлюбленный, несмотря на то, что к верованию в воскресение Его даже познанием Писания не был приготовлен: *видѣ и вѣрова: не у бо вѣдяху писанія, яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути.*

Как же скоро таким образом найден между Апостолами образец преимущественного блаженства не видящих и верующих: беседа Господня с Фомою получает от сего совершенную ясность и точное знаменование. Кажется, можно видеть, как Гос-

подъ взором укорения взирает на Фому и глаголет: *видѣвъ Мя, вървалъ еси*; потом обращает взор одобрения на Иоанна, и хотя не открыто к его имени, но тем не менее внятно к его сердцу, продолжает: *блажени не видѣвшии, и въровавшие*. Прочие Апостолы остаются между одобрением и упреком.

Но поелику блаженство не видеть и веровать Господь возвещает как общее блаженство многих; поелику, после других, и нам дарована благодать веровать в Господа с Апостолами, тогда как мы не видали Его с ними: то что подумаем мы о себе самих? Неужели подлинно мы блаженны паче Фомы, и даже паче прочих Апостолов, кроме, может быть, одного возлюбленного? Не смею с сим вас поздравить; боюсь и в сем случае, чтобы не оскорбить первых последователей Господа, и всеобщих руководителей в последовании Ему, если впереди их поставлю последних, и у них себе похищу преимущественное блаженство. *Довлѣтъ ученику, да будетъ яко учитель его* (Мф 10, 25): довольно и для нас, если и мы последние можем быть участниками в блаженстве с первыми руководителями к блаженству. Довольно, если найдутся между нами некоторые, к которым отнести можно ублажающее изречение Господне: *блажени не видѣвшии, и въровавшие*.

Некоторые? – А другие из нас неужели видят и веруют? – Как ни странным сие покажется некоторым, но так должно быть, чтобы степени блаженства соответствовали степеням веры.

И ныне есть видящие и верующие, – те, которые, как Фома, требуют от веры удостоверений ясных, действий ощутительных, знамений чудесных. Есть, напротив, не видящие и верующие, – те, которые и тогда, как против удостоверений восстают сомнения, ощутительные действия веры скрываются, знамения чудесные не являются, тем не менее твердо и непоколебимо стоят в вере.

Не одним Апостолам, но всякому любящему обещал Господь Свое явление, следовательно и видение. *Любай мя возлюбленъ*

будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ (Ин 14, 21). Не берусь изъяснить образов сего явления. Кто видит солнце, тот сие явление понимает без всякого изъяснения; но слепому изъяснять видение солнца было бы тщетное усилие! Скажем нечто, единственно по требованию настоящего рассуждения. В сердце твоём возгорается необыкновенно живая, неизъяснимо сладостная любовь Божия, которая всякое дело благочестия делает тебе легким и приятным, так, что ты не можешь сего приписать себе, но принимаешь то за дар Божий: тогда легко тебе веровать; ты испытываешь то, чему веруешь; ты ходишь во свете веры. В сем случае Господь может сказать тебе: *видѣвъ Мя, вървалъ еси*. Знай же, что если и тогда, когда огонь в сердце твоём покажется угасающим, духовная сладость престанет быть ощущаема, вновь восчувствуется труд подвигов, и недостаток сил, если и тогда ты подвигов не оставишь, о благодати Божией не усумнишься, сердца унынию не предашь: вот особенное достоинство веры! И потому вот особенное блаженство, хотя бы оно покрыто было страданием: *блажени не видѣвшии, и въровавшие!*

Господь является человеку не только во внутренней, но и во внешней жизни, видимыми благодеяниями Своего промысла, в которых, по слову Апостола, *понé осязать его* (Деян 17,27) можно. Если Он *оградилъ внешняя твоя, и внутренняя дому твоего, длѣя же руку благословилъ*: легко тебе веровать. Но такой вере и диавол не верит, как не верил ей в Иове; и потому может случиться, что она подвергнется опасному испытанию. Если же и тогда, как благодеющая десница Божия скрывается, и тебя постигает нищета, или болезнь, или иное бедствие, ты, как Иов, *во всехъ сихъ приключаящихся не даешь безумія Богу*: то Господь благословит *послѣдняя вѣры твоя паче, неже прежняя*. *Блажени не видѣвшии, и въровавшие*.

Может еще вера наша встретить Господа на путях жизни общественной, в лице

меньших братьев Его, по слову Его: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мф 25, 40). И здесь иногда более Он видим бывает, а иногда менее. Авдию, который сто Пророков Господних кормил хлебом и водою, не трудно было вообразить, что в них Сам Господь *взалкался*, и самому Господу *дал он ясти*. Напротив того, как часто искушает нас то, что, видя нищих, не видим в них Христа, то есть, Христовых и христианских свойств и добродетелей! Точно ли они бедны, думаем мы? Достойны ли они человеколюбивого участия по образу жизни своей? Будут ли

они молиться за нас, получив благотворение? Не возмущайся напрасно, благодетельная душа! Не охлаждай сам своей любви подозрениями; не омрачай сам своей веры сомнениями. Не довольно ли тебе слышать от Господа: *Мнѣ сотвористе?* На что, как Фома, хочешь видеть и осязать Его в том, кому благотворить желаешь? Благотвори видимому – требующему, и верь Не-видимому – Приемлющему. *Блажени не видѣвшии, и вѣровавшии*. Аминь.

1826 год

[«Слова и речи, т. 3»]

Преп. Юстин Челийский

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ГАЛАТАМ

Продолжение. Начало см. «Вестник» 3/2011, стр. 11.

5, 6 Поэтому во Иисусе Христе не имеет силы ни *обрѣзаніе*, ни *необрѣзаніе*, но *вѣра*, действующая *любовію*. Никогда не забывайте, что Христос есть все и вся и во всем, что от Него. Он единственный истинный Бог и Спаситель, *вѣра* наша поручает нас Ему, и Он по этой *вѣре* дает нам и Свою божественную *любовь*, и Свою божественную правду, и свои божественные силы, которые целокупно образуют в нас новую, евангельскую, богочеловеческую, благодатную жизнь, которая перетечет в жизнь вечную. В Нем пребывают и от Него исходят все святые добродетели: и *вѣра*, и *любовь*, и надежда, и молитва, и кротость, и смирение, и терпение, а следом и все остальные. И поскольку они опосредованно через нашу в Него *вѣру* проливаются на нас Его благодатью, то эти святые добродетели в нас и бесконечны, и бессмертны, и божественны.

Что делает наша *вѣра* в Него? Она *действует* через *любовь*. А наша *любовь*? Она

действует через молитву, ею растет и приумножается. А молитва? Она растет через пост и преуспевает. И так каждая добродетель *действует* через остальные; растет и усовершенствуется с их помощью, принося свои плоды через них. Каждая во всех, и все в каждой. Ибо все они от Единого и ведут к Единому. Как только одна отделяется от остальных, она омерщвляется и умирает. Так, отделившись от *любви*, истончается *вѣра*; отделяется ли *любовь* от молитвы - она оскудевает; отделяется ли молитва от поста - она умирает; и так далее: каждая без остальных — обречена на смерть. А каждая со всеми — бессмертна, равно как и все с каждой. Как проверить свою *вѣру*, спасительна ли она? *Любовію*. А *любовь*? Молитвой А молитву? Постом. А пост? Терпением. А терпение? Надеждой. А надежду? *Вѣрой*. И так одно за другим по кругу: все добродетели проверяются каждой и каждая всеми. Ибо все они составляют один неделимый круг, одну замкнутую цепь, одно совершен-

ное кольцо. Каждая добродетель проверяется остальными добродетелями: каждая – каждой и каждая – всеми. Равно, как и наоборот: все проверяются каждой, ибо все составляют одно духовное тело. Как замкнут круг, так замкнуты и добродетели; ни одна добродетель не имеет края, ибо каждая возникает из всех и вливается во все, утопает в них и насыщается ими.

5, 7 Поэтому каждая из них заключает в себе цельную евангельскую истину, а все они в своей целокупности заключают Ее всю. Жизнь нашей души состоит в постоянном кружении по всем святым добродетелям, насыщаясь от них Вечной Истиной, которая есть Господь Иисус Христос – *Единый истинный Богъ всѣхъ міровъ* (ср. Ин 14, 6; 1, 17). И что же нам мешает, что нам *препятствует* в этом непрерывном кружении по добродетелям через святую истину Христову? Гордость и самостность нашего ума, которые снова и снова, по происку дьявола, хотят подменить наше богомудрие и смиренномудрие. Пример?! Вы им и являетесь в вашем самочинном и самостном оглядывании на Закон и желании прибегать к Закону, оставляя Христа и спасительную *вѣру* в Него. До сих пор вы *исправно шли* путями вечной жизни, которые перед вами открывают святые евангельские добродетели и тайны; в своем смиренном богомудрии вы радостно *покорялись* спасительной Истине – Все-истине Христовой. Но лжеучители уже начали войну против вашего смиренного богомудрия и пытаются вас *отвратить* от *послушанія* единой спасительной Истине-победительнице, всесильной победительнице триединой лжи: греха, смерти и дьявола.

5, 8 Такое отвращение от Истины и есть отвращение от самого Господа – Иисуса Христа Богочеловека, который Своим Евангелием *призывает* вас к спасению и дает спасение, и обеспечивает вам спасение, которое не в состоянии дать никакой Закон. *Призывая* вас к спасению, Господь и Спаситель наш *призывает* вас через спасение к вечной жизни, к вечной жизни в Вечной Ис-

тине, в Вечной Правде, в Вечной Любви, в Вечной Радости, в Вечном Блаженстве. А все, что не от Господа и Спасителя, не ведет ни к спасению, ни к вечной жизни. Пагубно для вас такое уклонение, пусть оно даже мало и незначительно!

5, 9 Будьте осторожны, *малая закваска заквашиватъ всѣ тѣсто*. Обрезание – это *малая закваска*. Но она может быстро „поднять *тѣсто*“ вашей души и ваших мыслей и *закислить* все существо ваше желанием через обрезание вернуться ко всему Закону, всем его предписаниям. А это значит: вы вернетесь к гибели, к жалкому потворству греху, смерти и дьяволу. Лжеучение это как бы *малая закваска*, которая своей ложью может отравить всю вашу душу, весь ваш ум, и вы окажетесь не способны пребывать внутри Истины, выпадете из нее, отпадете от нее, как выпали и отпали от нее *ложь* и *отецъ лжи* – *дѣволъ* (ср. Ин 8, 44). Нет малой лжи, потому что и малейшая ложь своей самой внутренней невидимой артерией связана с самим сердцем отца лжи – дьяволом и ведет, и влечет к нему. Такова и ложь лжеучителей о том, будто обрезание необходимо для вашего спасения и для спасения вообще. Будьте бдительны, не дайте себя обмануть: вы знаете всю истину о спасении. И она есть Христос, Господь и Бог наш, единственный Спаситель, и спасение наше единственно в Нем. Это фундамент, это основание, на котором зиждется все здание нашей веры, нашего спасения, нашей вечности.

5, 10 *Я увѣренъ в васъ: пока вы в Господь, вы не будете мыслить иначе*. Если вы в Господе, то *мыслите* верой, *мыслите* любовью, *мыслите* молитвой, и ваши мысли не прейдут в заблуждение и не отпадут от Господа; они всегда в Нем будут рождаться и совершенствоваться, и бессмертствовать, так что никакая смерть, приступившая к ним через какое-либо лжеучение, не сможет их умалить. *А кто васъ от этого отвращает и искушаетъ, тотъ понесетъ наказаніе, кемъ бы онъ ни былъ*. Вы – христиане. Поэтому пусть каждая ваша мысль молит-

вой и верой преобразуется в богомудрие, а каждое ваше ощущение – в ощущение Богоприсутствия. Так вы создадите из души вашей крепость, которую никакое лжеучение не сможет одолеть. И вы будете уверены в своем бессмертии и в своей истине, которую никто не сможет от вас отнять.

5, 11 Знаю, что думает Сатана: он всегда замышляет то, что антихристно. По этому вы можете его всегда узнать и распознать. Но ложь чаще всего замаскирована правдой. И вам надлежит ее выверить и основательно проверить. Как? Чем? *Кръстомъ*. Все, что не может противостоять *кръсту* Христову и силе *кръста* Христова – от Сатаны. Все, что не любит *кръста* Христова, – от дьявола. Все, что против *кръста* Христова, – сто крат от дьявола. Почему? Потому что *кръстъ* Христов есть и знак, и средство, и сила; единственный знак, единственное средство, единственная сила победы над грехом, смертью и дьяволом. Да, и дьяволом! В человеческом мире нет другого способа, средства и силы, которыми люди могли бы победить дьявола и его предвестников: грех и смерть. Кто против Господа Иисуса Христа, тот всегда прежде всего против Его *кръста*. Поэтому *кръстъ* Христов – *соблазнъ евреям, безуміе для эллиновъ* и язычниковъ (ср. 1 Кор 1, 23). И когда к вам приходят лжеучители, то поверяйте их учение *кръстом* и силой *кръста*. Когда я был в еврействе, я как ревнитель Закона преследовал *кръстъ* Христов и был за обрезание и за все, что за этим следует. Теперь же я весь за *кръстъ* Христов, который служит ко спасению всех верующих, будь то евреи или эллины (ср. 1 Кор 1, 18.-24). Как же вы тогда можете верить лживым учителям, которые вам говорят, будто я *еще проповѣдаю обрезаніе* как средство ко спасению. Если это так, то *за что* же тогда евреи *меня гонятъ*? Нет сомнения, они *меня гонятъ* потому, что я весь за *кръстъ* Христов и против *обрезанія*. Ибо в *кръсте* Христовом содержится все, что необходимо для спасения человека, каждого человека, будь

он еврей или язычник. Да, ибо во *кръсте* и на *кръсте* – весь Господь и Спаситель мой, Иисус Христос. До распятия Спасителя крест был знаком срама, стыда и порочности, ибо на кресте распинались самые лютые злодеи. С тех пор, как на *нем* был распят Всесвятой и Безгрешный Господь, крест принял все божественные силы от Него и стал знамением славы, света и спасения. Самому позорному орудію Господь Всемогущий и Всебожественный даровал самую славную силу: все-силу спасения от греха, смерти и дьявола; все-силу, которая побеждает каждый грех и все грехи, любую смерть и все смерти, всякого дьявола и всех дьяволов. Такова сила Всемиловитого Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа. Против нее – весь дьявол и все дьяволы, весь грех и все грехи, вся смерть и все смерти и их добровольные или невольные рабы – крестоборцы.

Митрополит Филарет (Вознесенский)

СЛОВО В НЕДЕЛЮ О СЛЕПОМ

Завтра, даст Бог, мы с вами услышим за Божественной литургией повествование святого евангелиста Иоанна. Повествование о том, как Господь наш Иисус Христос даровал слепорожденному человеку двойное прозрение: и телесное, от телесной слепоты, и духовное, от духовной слепоты и неведения. Евангелие это говорит о том, что Господь, проходя, увидел слепорожденного. Откуда Он шел? Из храма. А там, в храме, перед этим, озлобленные враги хотели побить Его камнями. По Евангелию Матфея, Марка и Луки не совсем ясно, почему такая страшная злоба. Прямо таки сатанинской ненавистью возненавидели нашего Господа Его враги – книжники, и фарисеи, и саддукеи. По Евангелию от Иоанна (глава 8) это нетрудно понять, потому что как раз перед этим повествованием об исцелении слепорожденного, говорится о том, как Господь беседовал с ними и как они в конце концов говорили Ему: „Не правду ли мы говорим, что Ты самарянин и бес в Тебе!“ Но Господь в этой беседе беспощадно их обличил в том настроении, которое ими владело, и со Своей стороны, когда они хвастливо и заносчиво сказали, что „наш Отец – Бог“, то Господь им сказал: „Если бы Бог был ваш Отец, вы совсем действовали бы не так, как вы это делаете, а ваш отец – диавол!“ Прямо сказал им это Господь.

По славянски: *Вы отца вашего диавола есте и похоти отца вашего хотите творити*, т. е. действуете так, как он сам действует. После этой беседы, в конце которой Он прямо им сказал Кто Он, собственно, по существу, они хотели побить Его камнями. Он им сказал такие слова: „Авраам ваш отец рад бы был, если видел бы Мой день, и видел и возрадовался“. Недоумевающие враги Его спросили: „Тебе и пятидесяти лет нет и Ты видел Авраама?“ Последовал ответ Спасителя, исполненный Божественного вели-

чия: *Аминь, аминь, глаголю вам: прежде даже Авраам не бысть, Аз есмь*, т. е. прежде, чем не был (прошедшее время) Авраам, Аз есмь, Я есть. Господь Своей Божественной Природой в прошлом, как и в будущем, находится так же, как в настоящем. Как говорил о. Иоанн Кронштадтский: „Господь в одном акте Божественного созерцания созерцает всю жизнь, все века и всех людей“. Когда они поняли, что Он сказал о Себе, они схватили камни, чтобы побить Его, но Он прошел мимо них. Когда вышел, проходя, увидел этого слепца (Ио 9).

Когда вы внимательно читаете это повествование, то сразу видите, как слепец постепенно прозревал. Враги Спасителя все больше и больше своей злобой ослепляют себя, а бывший слепец прозревает. Когда его первый раз спросили, как он получил исцеление, он на это ответил только: „Человек, нарицаемый Иисус – (имя Которого Иисус) – сказал, чтобы я положил брение на очи и умылся в Силоамской купели, что я и

сделал, и вижу“. Когда спросили его: кто Он и где Он, он сказал: „Не знаю“. Но потом, когда враги старались его сделать противником Исцелителя, получилось наоборот: чем дальше они пытались уверить его в том, что его исцелил грешный человек, тем яснее пред ним сияет истина. После того, как он просто назвал Его Имя, он сказал: „Это пророк!“ Когда они снова и снова к нему приставали перекрестными вопросами, он, сам того, может быть, не зная, нанес им ужасный удар моральный, с их точки зрения оскорбление! Они его снова спрашивают, а он им говорит: „Сказал я уже, вы что не слышали? Почему вы снова хотите слышать? Или и вы хотите быть Его учениками?“ Они гневно говорят: „Ты ученик Его, а мы Моисеевы ученики, мы знаем, что Моисею говорил Бог, а Этот откуда – мы не знаем“. Вот тут бывший слепец их и обличил, он говорит: „О сем бо дивно есть, яко не весте, откуда есть и отверзе ми очи“, т.е., вот это-то и удивительно, что Он отверз мои очи, а вы не знаете, откуда Он! Вы же (подразумевается) духовные вожди народа, кому же знать, как не вам? Если вы не знаете, откуда Человек, Который творит такие поразительные чудеса, то куда же вы годитесь, как духовные вожди народа? И дальше им читает лекцию: „А мы знаем, что грешников Бог не послушает, а кто волю Его творит, кто чтит Его, того Он послушает. От века не было случая, чтобы кто отверз очи слепорожденному. Если бы Этот не был от Бога, не мог бы творить ничего“. Возражать было нечего, и они прибегли к ругательству – это все, что оставалось в их распоряжении, они говорят: „Во грехах ты весь родился и тебе ли нас учить?“ И выгнали его вон.

Господь, после этого, встретя его, говорит, чтобы ободрить его. Как ни был силен духом этот бывший слепец, но ему, конечно, скорбно было – изгнание из синагоги было очень тяжелым наказанием у иудеев. Господь, чтобы ободрить его, встречая его, говорит: „Ты веришь ли в Сына Божия?“ Ответ слепца явно показывает, что вера со-

зрела, но только еще не увидела своего объекта перед собой. Он говорит: „И Кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него?“ Господь, Который простой сердцем женщине-самарянке прямо сказал, что Он – Мессия, так же и этому слепцу прямо говорит. Тот говорит: „Кто Он, Господи – этот Сын Божий?“ – „И видел ты Его, и Он говорит с Тобою“ – сказал ему Спаситель – Он есть! И вот из всей души бывшего слепца восторженно вырвался возглас: „Верую, Господи!“ И поклонился Ему. Вот, как Господь Иисус Христос, повторяю, даровал двойное зрение этому слепцу: и физическое и духовное. Но злые враги Христовы не унимаются и задали Спасителю вопрос: „Что же и мы слепы?“ Получили они очередной хороший урок. Господь им на это ответил: „Если бы вы были слепы, то греха бы не имели!“ Тот кто не видит, тот не виноват, неведение не есть грех. Мы с вами знаем, что и Церковь, в покаянных молитвах, твердо отмечает грехи вольные, сознательные от несознательных и невольных. „Если бы вы были слепы, то не имели бы такого греха, – говорит Господь. – Но так как вы сами говорите, что вы видите, то грех ваш остается на вас“.

Это – страшные слова, братия, страшные, потому что безмерно велик Тот, Кто их сказал! Ведь Господь Иисус Христос есть Один, Кто может простить грех и не простить – помиловать и осудить. И Он прямо говорит, что грех их останется на них. Это Евангелие, конечно, и нам с вами урок, потому что недаром мы с вами не так давно в Великом посту молились: „Господи, даруй ми зрети моя прегрешения!“ Значит, мы их не видим как следует, раз просим, чтобы нам их видеть, зреть. Значит и у нас не хватает духовного зрения. Потому и надо всегда, особенно в этот день, когда мы вспоминаем как Господь исцелил человека и открыл ему духовные очи, молиться, чтобы Он и наши ослепленные очи просветил светом познания Своего. Аминь.

из жизни епархий

январь – февраль

Клоппенбург. Престольный праздник прихода св. Серафима Саровского.

ГЕРМАНИЯ

После служения Божественной литургии в монастыре преп. Иова Почаевского, архиепископ Марк 1/14 января с диаконом Анатолием Шефером полетел в Бремен, где их встретил настоятель прихода св. Серафима Саровского в г. **Клоппенбург**. Вместе они отправились в этот город. Вечером владыка присутствовал на всенощном бдении под престольный праздник в храме преп. Серафима Саровского в г. Клоппенбург. На богослужении молилось больше сотни человек. Служили настоятель – священник Олег Никифоров – и диакон Анатолий Шефер. На полиелей вла-

дыка Марк вышел на середину храма с протоиереем Иосифом Вовнюком, священником Александром из Бремена, священником Олегом Никифоровым, и диаконом Анатолием.

2/15 января литургия началась в девять часов утра. К сослужившему архиепископу Марку накануне духовенству присоединились протоиерей Димитрий Калачев из Билефельда, священник Владислав Чайка из Ганновера и диакон Александр Соколов из Ольденбурга. Во время литургии на малом входе владыка Марк наградил священника Олега Никифорова правом ношения золотого наперсного креста. После службы во время

крестного хода владыка освятил новый купол с крестом. Затем, прихожане, которых несмотря на будний день было очень много, собрались за трапезой, на которой присутствовал, как уже и на литургии, мэр города Клоппенбурга.

Богоявленские богослужения с Великим освящением воды в крещенский сочельник и на сам праздник Крещения Господня владыка Марк служил в Мюнхенском соборе. Сразу после воскресной литургии он поехал в аэропорт и в сопровождении послушника Серафима (Шайерманна) полетел через Франкфурт в

Тель-Авив. Здесь его встретили в одиннадцать часов вечера и сопроводили в **Иерусалим**.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

В понедельник 7/20 января в 5:30 утра владыка Марк служил Божественную литургию в часовне обретения главы св. пророка и крестителя Иоанна Предтечи, которая находится на территории нашего монастыря на горе Вознесения (**Елеоне**) в восточном Иерусалиме. Ему сослужили, начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Роман, игумен Василий, архимандрит Иннокентий, а также священник из России и четыре диакона.

После завтрака владыка с духовенством и большим количеством монахинь из Иерусалимских монастырей – Гефсиманского и Елеонского – на двух больших автобусах и нескольких микроавтобусах отправился в **Галилею**, чтобы освятить воду в Иордане, вблизи того места, где река вытекает из Генисаретского озера, и дать всем возможность троекратного погружения в освященные воды Иордана. Оттуда все поехали в **Капернаум**, где подкрепились привезенным с собой провиантом в греческом монастыре Двенадцати Апостолов, и в течении нескольких часов отдыхали под греющими лучами солнца. Многие пользовались этим временем для духовных бесед с владыкой. В восемь часов вечера все вернулись в свои монастыри в Иерусалиме.

На следующее утро архиепископ Марк служил в монастыре равноапостольной Марии Магдалины с местным иеромонахом отцом Макарием и тремя диаконами. После совместного завтрака с сестрами, гость из Москвы, архиерей Феофил, исполнил несколько паломнических кантов, сопровождая себя на балайке. Небольшая группа почтовых паломников пела колядки.

Вернувшись на Елеон, владыка Марк навестил игуменю Мои-

сею, уже два дня находившуюся в больнице, и справился о состоянии ее здоровья.

В четверг 10/23 января в обед архиепископ Марк, как обычно при своих поездках в Святую землю, нанес визит вежливости Его Блаженству Феофилу, патриарху Иерусалимскому. Иерархи обменялись новостями и мнениями по текущим событиям на Святой земле.

После этого посещения и поклонения святыням в храме Гроба Господня и Воскресения владыка с архимандритом Романом поехал в **Иерихон**. Здесь в принадлежащем Русской Миссии саду, где представители Зарубежной Церкви трудятся бок о бок с представителями Московского Патриархата, они посетили иеродиакона Иулиана и выслушали его отчет о ситуации на данном участке.

После обеда у архиепископа Марка и архимандрита Романа на Елеоне была назначена встреча с представителем правительства, с которым они обсудили насущные проблемы нашей Духовной Миссии в Святой земле.

В пятницу ранним утром 11/24 января архиепископ Марк и архимандрит Роман с сопровождающими отправились в **Вифанию**. Здесь они служили полунощницу, часы и Божественную литургию в принадлежащей к Вифанской школе домово́й церкви. Почти все сестры, трудящиеся под началом сестры Марфы в школе, и дети приобщились Святых Христовых Таин. Затем владыка подробно беседовал с сестрой Марфой о различных вопросах жизни школы и подвижающихся в ней сестер, пока отец Роман занимался детьми.

В течение дня архиепископ принял разных сотрудников Миссии для духовных бесед. Вечером он после урока арабского у одной из тамошних сестер, присутствовал на богослужении в Гефсимании. Там же он в субботу служил полунощницу, часы и Божественную литургию.

В субботу вечером и воскресенье утром он совершил бого-

служения в Вознесенском монастыре на **Елеоне**. После воскресной литургии владыка еще раз посетил игуменю Моисею в больнице. Затем он поехал в аэропорт с послушником Серафимом и улетел в **Москву**.

РОССИЯ

В Москве архиепископ Марк был встречен одним из своих духовных чад и после совместного ужина сопровожден в Сретенский монастырь, где он и поселился. С понедельника 27 января архиепископ Марк принимал участие в Рождественских чтениях. В понедельник состоялось пленарное заседание в Государственном Кремлевском дворце, которое возглавил патриарх Кирилл. В течение двух следующих дней владыка Марк возглавлял секцию о монашестве, заседавшую в Сретенской семинарии, что избавило его не от одной московской пробки. В этой секции работало множество игуменов и игумений, монахов и монахинь, в том числе и два игумена со Св. горы Афон, игуменья из Греции и несколько архиереев. С архиепископами Феогностом и Максимилианом владыка оба дня служил литургию в том же монастыре. Доклады и беседы были очень интересны всем участникам. Вечером 29 января Чтения завершились торжественным пленарным заседанием в Храме Христа Спасителя.

В последующие дни архиепископ Марк имел целый ряд встреч и совещаний с некоторыми архиереями, сотрудниками и председателем Императорского Палестинского Общества С.В. Степашиним, чиновниками администрации президента и др. В пятницу вечером он присутствовал на приеме, устроенном его Святейшеством, патриархом Кириллом в первую очередь для представителей государства и дипломатического корпуса в Москве, куда было приглашено лишь небольшое количество архиереев. И здесь у владыки также было несколько важных встреч

и разговоров, касающихся главным образом его деятельности в Святой земле.

В субботу 1 февраля он со множеством архиереев участвовал в торжественной литургии в Храме Христа Спасителя по случаю пятой годовщины интронизации патриарха. Вместе с митрополитом Иларионом – нашим первоиерархом, архиепископом Гавриилом и епископом Евтихием он поздравил патриарха после совместного обеда, за которым архиереи имели возможность вдоволь пообщаться.

Воскресные всенощную и литургию архиепископ Марк по благословению патриарха служил в Сретенском монастыре с архиепископом Максимилианом Вологодским и Великоустюжским и с епископом Евтихием. В воскресенье вечером он там же встречался с митрополитом Нью-Йоркским Иларионом и на следующее утро улетел в Мюнхен.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

В четверг 13 февраля архиепископ Марк с протодиаконем Георгием Кобро улетел в **Лондон**. Вечером того же дня у него сперва было несколько личных бесед с прихожанами, потом заседание попечительского совета и, в заключение, допоздна рядовое заседание приходского совета.

В пятницу 1/14 февраля владыка Марк с протодиаконем Георгием с утра присутствовали на литургии в храме свв. Царственных страстотерпцев. Затем владыка беседовал с верующими и в обед посетил храм Московского Патриархата в Эннисмор Гарденс, где смог убедиться в прогрессе ремонтных работ, а затем отобедал с архиепископом Елисеем. Иерархи при этом обсуждали важные вопросы церковной жизни в Англии и Ирландии. Вечером архиепископ Марк присутствовал на всенощном бдении под праздник Сретения Господня. Ему сослужили протоиерей Владимир Вильгертс и протодиакон Георгий Кобро. Владыка совершил литию, вышел

Колчестер. Архиерейский визит.

на середину храма на полиелей и чтение Евангелия и завершил службу Великим славословием.

В праздник Сретения в субботу 2/15 февраля владыка Марк служил Божественную литургию с протоиереями Петром Болком и Владимиром Вильгертсом, иереем Виталием Серапиносом и протодиаконем Георгием Кобро. На часах перед литургией он постриг в чтецы ктитора храма Павла Лисицына. В конце литургии он наградил благословенной грамотой сестричество под руководством старшей сестры Софии Михаилиду, как знак признания их невероятных трудов по поддержанию приходской жизни. Во время трапезы владыка, прочее духовенство и верующие имели возможность для общения. Вечером владыка молился на всенощной и читал Евангелие на середине храма. По

окончании богослужения владыка Марк ужинал с сестричеством и частью приходского совета.

Утром в воскресенье 3/16 февраля архиепископ Марк с протодиаконем Георгием Кобро отправились из Лондона в **Колчестер**. Здесь они служили литургию с настоятелем прихода свят. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского, протоиереем Андреем Филлиппсом, и священником из Молдавии. На третьем часе владыка постриг двух чтецов, на шестом поставил одного иподиакона и на литургии рукоположил одного диакона – отца Ионута Овидиу. В конце литургии владыка вручил благословенные грамоты свекрам настоятеля, чтецу Иакову и Анне Сардо, по случаю сорокалетия их служения на благо Церкви. ■

Колчестер. На третьем часе владыка постриг двух чтецов.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТ!

10 МАРТА 2014

ПОСЛЕ ТЯЖЕЛОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ
БОЛЕЗНИ СКОНЧАЛАСЬ
ДОЛГОЛЕТНЫЙ РЕДАКТОР ЕПАРХИАЛЬНОЙ
ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК"
ТАТЬЯНА ШНАЙДЕР

Оупокóй, Гóсподи,
дѣшѸ оусóпшыѸ рабы твоеѸ!

Иерей Димитрий Свистов (Саарбрюккен)

ВЫДАЮЩИЕСЯ РУССКИЕ ЦЕРКОВНЫЕ ИЕРАРХИ КОНЦА XVI ВЕКА

ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

(Доклад на Православном открытом семинаре в Мюнхене – декабрь 2013 г.)

Страшные потрясения, связанные с опричниной, введенной Иоанном Грозным, и с последующими событиями Смутного времени, неизбежно вовлекли в свою орбиту и церковную иерархию. Московские святители Филипп, Иов и Ермоген, каждый по-своему, старались пастьырски воздействовать на современную им политическую жизнь. Их усилия, заметные на канве истории, могут считаться одним из условий конечного преодоления Смуты.

Введение

Мой доклад переносит нас к концу XVI и началу XVII века в Московской Руси – к периоду, подготовившему русскую Смуту и самому Смутному времени.

Разговор о Смутном времени актуален в этом году (2013) особенно в связи с четырехсотлетием воцарения дома Романовых. Избранием Романовых завершилось Смутное время. Отметим, что отец первого царя этой династии, Федор Никитич Романов, ставший до этого уже митрополитом Филаретом, принимал деятельное участие в событиях Смуты. Но наряду с этим, мысль о династии Романовых заставляет нас вспомнить и о событиях XX века, положивших конец как правлению Романовых, так и преемственной русской государственности. Здесь уместно видеть параллели к Смуте XVII века, подобно тому, как это в начале советского периода пытались делать современники, например, поэты «серебряного века» Зинаида Гиппиус и особенно Максимилиан Волошин. Обращение к реалиям первой русской Смуты может быть полезным для нас, выходцев из XX века, помочь понять положение самих себя.

Рассматривая сложный период Смуты, в котором было столько жестокостей, крови, предательства и всякого зла, жаждешь отыскать

в нем хоть какие-то светлые ориентиры – проявления благородства и мужества, если только возможно и святости. И вот таким духовным противовесом разгулу человеческих страстей Смуты мне представляется, в частности, жизнь и служение церковных иерархов той эпохи, московских святителей Иова и Ермогена, а также их более раннего предшественника свят. Филиппа. Формально говоря, последний не может быть отнесен ко времени Смуты, т.к. принял мученическую смерть от опричника Малюты Скуратова еще в 1568 году. Однако внутренняя связь, которая объединяет подвиг свят. Филиппа со служением святт. Иова и Ермогена, побуждает меня все же включить обстоятельства его жизни в разговор о жизни его преемников на московской кафедре, тем более, что опричина, введенная Иоанном Грозным, против которой возражал и боролся митр. Филипп, и явилась одной из скрытых причин самого возникновения Смуты.

Итак, образ трех московских святителей – Филиппа, Иова и Ермогена – главная тема моего доклада. Рассмотрим их через призму современных им исторических событий, которые столь властно вторгались в их жизнь и ставили перед ними крайне трудные задачи пастьырского характера. Умерев для мира в своем монашеском постриге, они вернулись в бурлящее море событий мира сего в качестве архипастьрей, были вынуждены в силу своего положения активно участвовать в политической жизни своего народа и государства. В число их пасомых входили – по крайней мере номинально – цари и государственные деятели, которые в то время (как, впрочем, и в любое другое) были на деле – не на словах – весьма далеки от стремления к Царствию Божию, будучи погруженными в интересы, связанные с царством земным.

Здесь следует выявить различия в подходе

к тогдашней политической злобе дня, которые наблюдаются у этих трех иерархов, равно как и взаимную связь этих подходов, сглаживающую различия. И с этой целью придется также касаться и многих исторических деталей, правда не связанных напрямую с жизнью трех святителей, но без упоминания которых политическая канва была бы недостаточно ясно видна.

1. Святитель Филипп происходил из боярского рода Колычевых. Его отец был ближним боярином при вел. князе Василии III, и Филипп, до монашества Феодор, молодость свою провел при дворе. В этом можно видеть существенную черту его биографии: вынесенный из молодости опыт пребывания при великокняжеском дворе, приобщенность к жизни государственной элиты, без сомнения, углубили в будущем святителе то чувство ответственности за происходящее в государстве, которое он проявит позднее в своем исповедничестве. Став соловецким игуменом и зарекомендовав себя необыкновенными хозяйственными способностями, о. Филипп во время посещения Москвы по делам монастыря в 1550–51 гг. заслужил расположение царя Ивана Васильевича, который ради него сделал ряд щедрых пожалований Соловецкой обители. Может быть, в надежде на силу этих щедрот царь и ожидал найти в Филиппе молчаливого соглашателя, не дерзающего вторгаться в политику, когда после добровольного удаления с митрополичьей кафедры своего духовника Афанасия в 1566 г. искал ему замену. Но оказалось – как раз наоборот.

К описываемому моменту, введенная царем в 1565 г. опричнина существовала уже более года. Сам термин означал в древнерусском юридическом языке: удел, данный княгине-вдове. Напомню, что опричнина была для Ивана Васильевича инструментом борьбы с боярской аристократией. Царь либо переселял бояр из их родовых уделов в чужие области, превращая их в служилых людей, либо физически уничтожал по обвинениям в политической измене. Как пишет В.О. Ключевский со слов современника, дьяка Ивана Тимофе-

ева, опричнина, «направленная против воображаемой крамолы, подготовляла действительную», т.е. будущую Смуту.

После избрания митрополитом свят. Германа, прославившегося своим миссионерским подвигом в покоренной Казани, царь сразу же изгнал его, т.к. убедился в его бескомпромиссной твердости в отвержении опричнины. В отличие от более ригористично настроенного архиеп. Германа, игумен Филипп, имевший опыт государственной жизни и, видимо, считавший возможным пойти на некоторый компромисс, не ставит царю ультиматума, а лишь предлагает прекратить казни. Иоанн Грозный соглашается на это, и Филипп становится в июле 1566 г. митрополитом.

Но уже через год последовала новая волна казней – казней людей выдающихся, заведомо непричастных ни к каким заговорам. И далее происходит то, о чем мы узнаем из жития – знаменитое обличение митр. Филиппом царя в Успенском соборе. Многократно пытавшийся в частных беседах заставить царя прекратить казни и не сумевший этого добиться, митрополит на одном из богослужений, когда явился царь с группой опричников в псевдомонашеских одеждах, произнес свои исторические слова: «В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю царя православного! Не узнаю его и в делах государственных. Кому поревновал ты, приняв сей образ и изменив свое благолепие? Государь, убойся суда Божия: на других ты закон налагаешь, а сам нарушаешь его. У татар и язычников есть правда: на одной Руси нет ее. (...) Мы здесь приносим бескровную жертву за спасение мира, а за алтарем без вины проливается кровь христианская (...)» «Филипп, – воскликнул царь, – ужели ты думаешь изменить нашу волю?! Лучше бы тебе быть единомысленным с нами». «Тогда суетна была бы моя вера», возразил святитель; «я не о тех скорблю, которые невинно предаются смерти, как мученики; я о тебе скорблю, пекусь о твоём же спасении».

Мы могли бы сказать: неужели автор жития находился рядом и все слышал? Как он мог воспроизвести этот разговор?

Однако, если мы воспользуемся методами

исторической критики текста, мы найдем неожиданное подтверждение подлинности житийного рассказа. Не испытывавшие к митрополиту никакой симпатии, да и являвшиеся не очень хорошими, мягко говоря, людьми, опричники, среди них в частности немцы, в своих воспоминаниях описывают эту сцену. Таким образом, два совершенно различных источника – житие и воспоминания опричников – говорят об одном и том же факте. При этом, опричники были непосредственными участниками этой сцены и в их задачу вовсе не входило рисовать «светлый образ» митр. Филиппа. Тем более, для «передовых европейцев», протестантов, он был малопривлекателен – дикий «московитский поп», напоминающий шамана, в экзотических одеждах. Автор жития мог бы быть заинтересован в том, чтобы возвысить митрополита и унижить царя, но ведь не опричники, которым митрополит только мешал творить на Руси свои преступления и бесчинства.

После этого эпизода царь был разгневан, однако не решился сразу же казнить святителя. Он организовал расследование злоупотреблений митр. Филиппа в Соловецком монастыре. Туда была направлена следственная группа и соответствующими методами были обретыены лжесвидетели, готовые показать все, что от них требовалось. Их привезли в Москву. Но далее происходит нечто неожиданное: на суде, организованном против митр. Филиппа, все подследственные отказываются от своих показаний. Ивану Грозному приходится оставить митр. Филиппа до поры до времени, тем более, что он надеется, что угроза расправы заставит святителя смириться. Однако митр. Филипп не смирился пред грозным царем. Тогда заочно вновь был созван церковный суд из группы епископов, и епископы действительно вынесли митр. Филиппу приговор: извержение из сана. 8 сентября 1568 г., дождавшись праздничной Литургии Рождества Пресвятой Богородицы в Успенском соборе, Басманов, один из самых приближенных к царю опричников, является на службу, зачитывает приговор, и сразу опричники выволакивают из алтаря митрополита,

срывают с него облачение, избивают и в монашеских одеждах увозят в монастырь. Митр. Филипп должен теперь покаяться перед грозным царем: путь не заказан к свободе и даже к кафедре. А чтобы каялся поскорей, царь Иван Грозный казнит порядка пятнадцать его ближайших родственников (благо, Колычевы бояре, а для него только тот боярин хорош, который мертв или в опричники пошел), голову же любимого племянника он присылает ему в монастырь в качестве свидетельства своих дальнейших грозных намерений. Но святитель остается непреклонным.

Через год после этих событий Иван Грозный предпринимает поход на Новгород. (Он уже поставил нового митрополита, Кирилла, смиренного созерцателя преступлений опричнины). Расправа над Новгородом была страшной: там было уничтожено несколько тысяч человек, может быть, даже пять или шесть (не только в самом городе, но и в окрестных землях. Правда, в тверской земле было уничтожено до девяти тысяч. Надо учитывать, что во всей стране в это время жило пять-семь миллионов человек, пропорционально – огромные числа).

Направляясь в этот поход, царь послал в тверской Отрочь монастырь Малюту Скуратова, своего доверенного, одного из самых жестоких опричников-палачей. В последний раз он потребовал от митр. Филиппа покаяния. Святитель отказался и был задушен. Выйдя из кельи митр. Филиппа, Малюта обрушился на монахов за то, что они якобы не проветрили как следует келью заточенного, и якобы вот он «угорел»...

Прежде чем обратиться теперь к патр. Иову, следует дать краткую характеристику восприемникам царского престола после смерти Грозного – Феодору Иоанновичу и Борису Годунову.

Не зря говорил Иван Грозный о своем младшем сыне Федоре, что ему подобает быть не царем, а звонарем. Этот физически большой юноша, видел в достаточно сознательном возрасте страшные стороны жизни своего отца, и поэтому стремился – отчасти подобно позднему патр. Иову – уйти от этих ужасов в

жизнь духовную, религиозную. Он и не хотел становиться царем, но желал быть прежде всего человеком, устремленным к миру горнему. И когда он все-таки стал царем, его кредо было: не быть таким, как отец. Отец казнил многих безвинно – он же не будет казнить никого, даже тех, кто виновен. Женился он по глубокой любви на Ирине Годуновой, отличавшейся большим личным благочестием, братом которой был Борис Годунов.

Борис Годунов был человеком новой формации. Правда, он вышел из среды опричнины, и возвысился там, но на фоне остальных опричников выделялся не только более широким государственным кругозором, но и поразительным умением избегать участия в наиболее одиозных преступлениях. Это умение совмещать верность царю со способностью уклоняться от наиболее страшных преступлений, наверное, свидетельствовало не просто о том, что в глубине души этот человек был более нормален, чем Иван Грозный, но и о ясном понимании, что государство тираническое, деспотическое прочным быть не может.

Когда Федор Иоаннович стал царем, Борис Годунов, занимая скромные по названию должности конюшего, постельничего, сделался правой рукой слабого царя, и даже более того – фактическим правителем. Он тоже расправлялся с противниками государя и государства, и со своими противниками, но делал он это – по сравнению с тем, что было при Грозном – очень сдержанно.

Что же касается общей политики, то Борис Годунов верно почувствовал: следует поддерживать авторитет слабого царя (Федора Иоанновича у нас очень любили, но совершенно не слушались), и решил поставить и разрешить проблему Русской Церкви. Ибо, несмотря на то, что Иван Грозный был признан восточными патриархами как законный царь, русского митрополита они игнорировали с самого момента поставления митр. Ионы в 1448 г. Поэтому, воспользовавшись приездом в Москву в 1586 г. антиохийского патриарха Иоакима, Борис Годунов осторожно начал с ним переговоры о даровании Русской Церкви патриаршества.

Эта крайне интересная страница русской церковной истории, не может быть освещена здесь подробно; ограничусь замечанием, что патриаршество было получено Русской Церковью в 1589 г.: хотя и при участии константинопольского патриарха Иеремии, но фактически против его воли, первым русским патриархом стал ставленник Годунова – московский митрополит Иов. Его облик и жизнь, во многом непохожи на облик и жизнь святителя Филиппа.

2. На первый взгляд может показаться, что довольно поздняя канонизация патр. Иова проистекала из желания просто как-то выделить первого русского патриарха. Но конечно, это не так.

Чтобы понять глубоко несчастную личность святителя Иова, прошедшего чрезвычайно сложный путь, надо исходить из особенностей той эпохи. Перед нами человек, который – в отличие от митр. Филиппа – поднялся к вершине церковной иерархии от социальных низов. Он происходил из семьи посадских людей г. Старицы, рано принял пострижение в старицком Успенском монастыре и, в общем и целом, не искал для себя ничего, кроме монашеской жизни, тем более, что в те суровые времена любой нравственно чуткий, интеллектуально развитый человек прекрасно понимал, сколь трудно соблюдать христианские заповеди в этом полуязыческом обществе. Вполне органично он жил монастырской жизнью и вошел в историю монастыря своим умением благолепно и одухотворенно совершать богослужение.

Однажды во время его богослужения, когда Иов уже был архимандритом, в монастырь приехал Иван Грозный. При всех своих страстях, царь Иван, как многие люди той эпохи, был человеком, любившим и ценившим богослужение. Он был поражен службой Иова и перевел его в Москву в 1571 г., в то самое время, когда ужасы опричнины проявились в полной мере. Ивана Грозного, можно сказать, тянуло к святым людям. Кого-то из них он убивал, кого-то возвышал, кого-то прогонял, но, тем не менее, они были в его окружении. В 1575 г.

архим. Иов становится настоятелем царского Новоспасского монастыря. И здесь, в Москве, этому монаху, который во всю свою жизнь не знал ничего, кроме монастыря, приходится годами видеть ужас опричнины; знать, что он ничего не может сделать, знать, что он может лишь молиться и молитвой своей пытаться вразумить царя – тирана, укрепить тех, кто становится жертвами его жестокости и мнительности. Митр. Иова легко можно было бы обвинить в пассивности, в сервиллизме, в услужливости власти, но показательное то, что, глубоко переживая происходящее, он не стремился политически влиять на государя.

Для осмысления здесь уместно сделать небольшое историософское отступление: У С. Аверинцева в его «Поэтике ранневизантийской литературы» есть поразительная мысль о том, что выработавшийся в Православной Церкви еще в Византии «аполитизм», был плодом леденящего кровь, неизбывного ужаса, который вызывала политическая жизнь в сознании церковной иерархии. Ощущение полной невозможности что-либо изменить, на что-либо повлиять, приводило к тому, что от всего этого просто отворачивали взор. Возможно, что это восприятие отчасти передано было и нам. Наши митрополиты – и в киевский, и в московский период – помогали строительству государства. Но, видя его уродливые черты (а государства идеального ведь не бывает), они одновременно старались отстраниться. Иов был именно таким. Иным был митр. Филипп, считавший, что Церковь ответственна за государственную, политическую, общественную жизнь, что Церковь нравственно обязана влиять на нее, и даже ценной собственной смерти готов был засвидетельствовать это.

Чем же объясняется такое положение вещей в Византийской империи и в Византийской Церкви? Прежде всего тем, что в Византии – начиная со времен равноап. Константина и до самого конца существования империи, до середины XV в., – не существовало четкого закона о престолонаследии. Династии постоянно сменяли одна другую. В среднем, каждый третий-четвертый император приходил к

власти путем политического переворота, или, по выражению церковного историка, А.В. Карташева, «провиденциальной узурпации». Византийская же Церковь, ее патриархи, в основном, оставались в рамках будничной «аполитичности», считали долгом своей гражданской лояльности мириться с фактической властью и благословлять ее. Лишь в некоторых, редких случаях, без строгой логики, отдельные иерархи вдруг восставали против «узурпаторов», «не признавали» их, бичевали с позиции христианской морали и за это их прославляли героями. Таково, например, в XIII в. отношение патр. Арсения к императору Михаилу Палеологу за свержение им законного наследника Иоанна Ласкариса.

Для сравнения следует сказать, что на Западе, причем уже в первом тысячелетии, дело обстояло иначе. Рим шел по простому и ясному пути: возникшие после падения западной Римской империи варварские государства надо было привести в какое-то единство, в какой-то порядок, нередко силой меча. Отсюда и походы, римскими папами организованные, их армии, их политические интриги. Византийские же патриархи пытались воцерковить византийское государство через личность императора. Иногда это удавалось, чаще – нет. Но византийская Церковь, подчиняясь нечестивым императорам, в отличие от Рима, сама не превращалась в государство.

Итак, митр. Иов в этом отношении был *типичным* представителем русской церковной иерархии иоанновского времени, на фоне того, что *нетипичный* представитель был задушен Малютой Скуратовым, что было уроком для многих. Все это не значит, что митр. Иов был равнодушен к происходящему. Сердце его страдало, молился он глубоко, и это впоследствии проявится. Борис же Годунов справедливо увидел в нем человека, искренне чуждого каким бы то ни было политическим интригам, подлинного аскета. Ясно было, что он не будет вести какую-то свою политическую игру. И, конечно, Годунова тянуло, после всех этих чудовищ из опричной среды, к человеку, пребывавшему столько лет в иоанновской Москве и оставшемуся все тем же мона-

хом, каким его описывали современники: «голосом сладок, ликом красен». Именно этим объясняется покровительство, которое оказывал ему Годунов на протяжении всей своей жизни, благодаря которому в 1586 г. Иов и стал митрополитом, а через три года – патриархом.

Царствование Федора Иоанновича было, пожалуй, самым светлым периодом для патр. Иова. Оказавшись патриархом, оказавшись рядом с благочестивым царем, он вдруг высказал все, что думал о предыдущем царствовании – высказал совершенно неожиданно, не трактатами или проповедями, а просто посредством канонизаций. Еще будучи митрополитом, он провел канонизацию Василия блаженного, того юродивого, который обличал неправого царя Ивана Грозного – и Федор Иоаннович «ничесоже вопреки глаголет». В 1591 г. свят. Иов возвел в ранг общецерковно почитаемых святых уже прославленного преп. Иосифа Волоцкого – того, кто был (можно бы сказать «по-европейски») равнодушен к политической жизни, кто в своем «Просветителе» говорил даже о праве и обязанности «непокорения» государям, попирающим христианские принципы.¹

В том же году митр. Иов прославляет в лике святых митр. Филиппа. Как мог Феодор Иоаннович согласиться на канонизацию митр. Филиппа? Ведь это – свидетельство того, что его отец убил святого. Однако именно потому, что он был благочестив, он на это согласился. Это был акт его, царя Феодора, покаяния – признания им страшной истины, что он является сыном гонителя Церкви, убившего святого.

Таким образом, сама эта череда канонизаций являла всем отношение патр. Иова к тому, чему он многие годы был безмолвным свидетелем.

Однако нельзя забывать и об одном очень печальном эпизоде – в ту трагическую эпоху, наверное, неизбежном – в жизни патр. Иова: об убийстве в Угличе царевича Дмитрия.

Царевич Дмитрий был рожден в седьмом, непризнанном Церковью браке царя Ивана Грозного. Это был тяжело больной эпилепсией подросток, обреченный на скорую смерть.

Кто же его убил? Следуя великому нашему поэту, А.С. Пушкину, мы готовы повторять: убил Борис Годунов. Организаторы убийства Дмитрия на то и рассчитывали, что убийство не имеющего права на престол и скорее всего обреченного на смерть в силу своего заболевания восьмилетнего мальчика пресечет притязания на власть Бориса Годунова, дискредитирует его перед всеми: он станет «убийцей» безвинного отрока. Поэтому, когда в Москве становится известно, что царевич Дмитрий убит, Борис Годунов сразу же направляет туда комиссию для расследования происшедшего, включая в нее, с одной стороны, патр. Иова, а другой – своего врага, до времени примирившегося с ним, князя Василия Шуйского. Комиссия приезжает – поразительно быстро, оперативно – но убийцы уже были растерзаны толпой и расследовать было нечего. Тут же возникает экспромптом версия, которую комиссия и оглашает: что царевич в припадке падучей, случившегося во время игры в ножички, упал на нож и закололся. Никто этому не верит. И все же комиссия озвучивает именно эту версию, и именно ее провозглашает патр. Иов, видимо боясь смуты, которую предчувствует.

Царствование Бориса Годунова начинается в условиях очень своеобразных. Уходя в мир иной, Феодор Иоаннович поступил, как настоящий идеалист. Оставляя престол без преемника, передавая престол царице Ирине, он завещал ей управлять страной, опираясь на советников. Царь ввел в группу ее советников патр. Иова, (что было понятно, исходя из авторитета патриарха и его нейтральной политической позиции), Бориса Годунова, как самого опытного и ответственного государственного деятеля, и врага Бориса Годунова – Федора Никитича Романова, одного из лидеров боярства, против которого была создана опричнина. Из чего исходил «святой царь»? По всей вероятности, он надеялся на то, что ответственность за судьбу страны и личный авторитет патр. Иова заставят Б. Годунова и Ф. Романова оставить свои распри и управлять страной «по-божески». Однако благочестивое царское устремление непременно должно

было обернуться несчастьем: при реальной политике того времени Феодор Иоаннович обрекал одного из них если не на физическую, то на политическую смерть, ибо при данном раскладе один должен был устранить другого – вместе быть они не могли.

Так позже и случилось: Царица Ирина отказалась от престола и приняла монашеский постриг, а Борис Годунов был избран на царство земским собором, созыв которого он вынудил у москвичей для придания большей легитимности своему избранию. Обстоятельства этого избрания – демагогически подготовленная толпа, слезные мольбы о принятии царского венца – известны.

Став наконец царем, Борис Годунов столкнулся с такими огромными проблемами, стоявшими перед страной, разрешить которые было под силу только очень выдающемуся государственному деятелю, каковым он все же не был. Он столкнулся со страшным наследием «опричного» террора, который выкосил из правящей русской элиты всех мало-мальски достойных людей. Те же люди из числа старшего родовитого боярства, которые выжили в репрессиях Ивана Грозного, воспринимали Годунова как своего врага и всячески желали его устранения, причем устранения любой ценой. Возглавлявший этих родовитых бояр Федор Никитич Романов был поэтому обречен. Это фигура тоже по-своему трагическая: мы обычно воспринимаем будущего патр. Филарета как сурового многомудрого старца. Однако в те годы он был достаточно молодым политическим деятелем, очень знатным – ибо знатность в московском государстве измерялась тем, насколько рано род стал служить московскому царю, а основоположник рода Романовых Андрей Иванович Кобыла еще при Иване Калите пошел на службу московским князьям – раньше, чем это сделали многие удельные князья. Федор Никитич был, таким образом, от рождения предназначен к блестящей карьере, все у него было хорошо – опричный террор остался в прошлом, в семейной жизни он был счастлив; но в одну ночь все изменилось: он был схвачен людьми Бориса Годунова и отведен в заточение в Антоние-Сийский мона-

стырь, где был насильственно пострижен в монашество с именем Филарет. Жена его также была пострижена с именем Марфа, а дети разосланы к дальним родственникам.

Казалось бы – все устранены, все упорядочено. Но счастья Борису Годунову не было. Его царствование, после двух первых лет, стали сопровождать глад и мор. Сам он не чувствовал под собой твердой почвы и обнаружил «недостаток нравственного величия» (С.Соловьев), унился до полицейского сыска и шпионажа. Но самое страшное началось, когда в 1603 г. с западной границы стали приходить вести о появлении ожившего царевича Димитрия.

История Григория Отрепьева слишком хорошо известна, чтобы говорить о ней подробно. Бывший монах Чудова монастыря, который был какое-то время даже секретарем у патр. Иова, убежал в Польшу и там объявил себя царевичем Димитрием, законным русским царем. Его авантюризм поразил даже Польшу: узнав о его притязаниях, король Сигизмунд предпочел дистанцироваться от него, хотя и признал его дипломатически царевичем, разрешив набирать волонтеров в свои войска. Однако Рим обратил на него внимание, сделав его орудием своей унионистской политики в отношении Русской Церкви.²

Профинансированный Ватиканом, самозванец с небольшой шайкой польских дворян перешел русскую границу. Здесь уместно сказать, что Г. Отрепьев первым применил «ленинский» метод борьбы с собственной страной. Не имея значительных сил, он, по мере своего продвижения, постоянно направлял гонцов в разные города и области с грамотами, обращенными к разным сословиям. Русским боярам он обещал привилегии польских аристократов; дворянам, составлявшим основу русской армии, обещал уравнивать их в правах с боярами, городам обещал вольности европейских городов, холопам – свободу, и все это, не имея даже никаких мыслей о том, как он будет исполнять собственные обещания.

Дворянские гарнизоны переходят, один за другим, на сторону Г. Отрепьева, города заявляют ему о своем признании, грек архиеп.

Игнатий Тульский присягает ему как законному царю и с группой духовенства начинает сопровождать движение этой шайки в сторону Москвы. Огромное дворянское ополчение, направленное на разгром во много раз меньшего войска Самозванца, переходит на его сторону – это война с призраком, который побеждает всех.

Еще одна интересная деталь: как только весть о появлении ожившего царевича дошла до Антоние-Сийского монастыря, монах Филарет вдруг перестал ходить на службы, вернулся к своей прежней боярской жизни, стал ходить на охоты вместо служб, помыкать монахами и говорить, что «пришел его час» и что он «еще всем им покажет, кто он такой». Это дало историкам повод выдвинуть версию, согласно которой Г. Отрепьеву, выходцу из обедневшего дворянского рода, по рождению уже холопу Романовых, в какой-то момент было сообщено, что он – настоящий царевич Дмитрий, которого Романовы спасли. Согласно этой версии, Самозванец был своеобразным орудием борьбы Романовых против Годунова.

Не встречая никакого сопротивления, Лжедмитрий подходит в мае 1605 г. к Москве. Борис Годунов скоропостижно умирает, и Москва с радостью приветствует Самозванца, перед которым несут Курскую-Коренную Икону, доставленную ему ранее его сторонниками.

Служивший литургию в Успенском соборе патр. Иов (ибо не было у него опять ничего, кроме молитвы) был схвачен и увезен в тот же Старицкий монастырь, откуда был когда-то взят. На патриаршество был возведен Игнатий. За исключением двоих – астраханского архиеп. Феодосия и казанского митр. Гермогена – все русские архиереи признали Самозванца.

Мнимые кровные родственники Самозванца и противники царствования Годунова были вызволены из ссылок и возвышены. Так Филарет (Романов) стал Ростовским митрополитом.

3. Так мы приходим к третьему светлому образу того времени, святителю Гермогену, который был возведен на патриаршую кафед-

ру 3 июля 1606 г., после свержения Лжедмитрия Василием Шуйским.

Святитель Гермоген (Ермоген), в миру Ермолай, родился около 1530 г. и по своему происхождению был, согласно одной версии, из рода князей Голицыных, а согласно другой – из донских казаков. В юности он жил в Казанском Спасо-Преображенском монастыре, а затем стал приходским белым священником. Когда произошло явление Казанской Иконы Божией Матери, иерей Ермолай первый удостоился взять икону от земли и перенести в кафедральный собор. Овдовев, он принял монашество, и, после времени игуменства в том же монастыре, стал в 1589 г. первым митрополитом Казанским.

Избрание свят. Гермогена патриархом происходило сразу после воцарения Василия Шуйского по представлению патр. Иова. Сам Иов отказался от возвращения на патриаршество, когда его пригласил царь Василий после устранения Лжедмитрия.

Смута же с момента воцарения Шуйского из олигархической боярской среды спустилась в народные массы. Московский народ Василия не избирал и остается в недоумении, кто же был тот Дмитрий, которого сначала воцарили, а потом убили (А.В. Карташев).

В стране бушуют восстания. Сторонники Лжедмитрия бежали из Москвы, сея слухи, что «царь Дмитрий» жив. Даже государственную печать удаётся князю Григорию Шиховскому увезти из Москвы. Начинается движение демагога Ивана Болотникова, которое справедливо именуется «крестьянской войной».

Болотников был человеком авантюрного склада. Попавший в свое время в плен и проданный турками на галеры, он бежал с галер, жил в Венеции, обзавелся семьей в Италии, потерял семью во время эпидемии чумы и вернулся в Россию как раз в это время, выделившись в южной России как крестьянский или казачий предводитель. К нему на юг стекаются сторонники свергнутого Дмитрия, распространяя версию о «неуничтожимом царе» Дмитрии.

А дальше, к несчастью для России, по-

является еще один Лжедмитрий. До сих пор об этом Лжедмитрии существует несколько версий. Происхождение его неясно. Известно только то, что он тоже появился в западных областях и довольно быстро нашел общий язык с мятежниками, которые решились выдвинуть его как воскресшего «царя Димитрия». Отлученный патр. Гермогеном от Церкви, Лжедмитрий II подступает к Москве. Опять дворянское ополчение переходит на его сторону (как ранее на сторону Г. Отрепьева), и он располагается лагерем в Тушине (тогда подмосковном селе, а теперь уже районе, входящем в состав Москвы). Болотников готов поддержать Лжедмитрия II. Еще одна интересная деталь: Шуйский, желая не обострять отношений с Польшей, всех оставшихся в живых поляков, включая Марину Мнишек, жену первого самозванца, отправляет в Польшу. Но Марину Мнишек неожиданно тушинцы отбивают из этого обоза, привозят в тушинский лагерь и предлагают ей порадоваться встрече со своим мужем. Тут в этой женщине, видимо, произошел какой-то надлом: обстоятельства ли, характер ли подвигли ее на то, но она действительно имитировала радостную встречу со своим мужем. Правда, сказав, что скорее умрет, чем признает Лжедмитрия своим мужем, если ее с ним не обвенчает католический священник – пусть тайно (что и было исполнено). После этого она пускается в авантюру, прекрасно понимая, с кем имеет дело.

А у Шуйского – вновь катастрофа: новый Лжедмитрий расположился рядом с Москвой, при полном отсутствии возможностей ему сопротивляться. Более того: в этом хаосе реально начинается развал страны. С Лжедмитрием вступили в переписку Новгород, Псков, Тверь, готовые отпасть от Москвы и принять подданство этого альтернативного царя. «Тушинцы» постоянно устраивают опустошительные набеги на окрестности, на близлежащие города. В Рязани они захватили митр. Филарета (Романова), который пока так и оставался на периферии политической жизни. Его привезли в тушинский лагерь и предложили стать нареченным патриархом. Он соглашает-

ся. Итак: Шуйский и Гермоген в Москве, Лжедмитрий и Филарет в Тушино – два центра власти.

Не имея сил справиться со взбаламученным морем восставших, Василий Шуйский, не желая допустить отпадения от России северных областей, призвал шведские войска на помощь, дабы они, заняв новгородские, псковские, тверские земли, не допустили их отделения от России и изгнали оттуда банды тушинцев. Шведские войска де Лагарди вступили на русскую территорию и этим резко осложнили положение. Протестантская Швеция была заклятым врагом католической Польши, и, узнав о выступлении шведов в качестве союзников царя Василия, Польша объявила войну России. Шведы же в качестве оплаты своих услуг потребовали территориальных уступок. Полный мрак, полный хаос.

Апогеем этих жутких событий стала осада Троице-Сергиева монастыря, которая продолжалась с 23 сентября 1608 по 12 января 1610 г. У осаждавших было около 15 тыс. войска, а у осажденных менее двух с половиной тысяч человек (не только монахов, но и мирских насельников). Из них к последнему штурму осталось в живых менее двухсот. И все-таки штурм был отбит. Существуют живописные полотна, изображающие, как монахи защищают монастырь, а потом, после очередного приступа, выходят, собирают раненых, оставленных осаждающими, несут их в монастырь, кормят и лечат. Что за альтруизм патологический? Но дело в том, что Троице-Сергиев монастырь осаждали совсем не только и не столько польские войска, сколько шайки русских казаков, холопов, крестьян, даже дворян – православных людей. Монахи действительно воспринимали их как своих братьев во Христе, и потому тех, кого не убивали при штурме, старались выходить. Жестокие были нравы на Руси, с одной стороны, а с другой – поразительный гуманизм.

Но ситуация и в Москве была беспокойной: уже сплетались заговоры против Шуйского. Тем временем польские войска осаждали Смоленск. Единственное, чего удалось добиться Москве, это – разгром тушинского лагеря в на-

чале 1610 г. А далее Москва, в которой зрел мятеж, оказалась почти совершенно беззащитной перед польскими войсками. Тогда патр. Гермоген решил взять на вооружение идею, которая возникла в тушинском лагере, вбиравшем в себя весьма разных людей: там был и митр. Филарет (Романов), нареченный в патриархи, и многие другие представители русской знати, которые, конечно, не хотели видеть царем авантюриста Лжедмитрия II. Тогда там возникла идея, что после свержения Василия Шуйского можно было бы пригласить на русский престол королевича Владислава, сына польского короля Сигизмунда. Эта идея постепенно проникала в среду не потерявших остатки чувства ответственности за страну русских бояр и дворян.

После разгрома тушинского лагеря Шуйского свергли и насильно постригли в монашество. Узнав об этом, патр. Гермоген заявил, что считает монахом произносившего за Шуйского монашеские обеты князя Тюфякина, одного из заговорщиков. Этот эпизод интересен тем, что из уст этого уважаемого ими святителя русские люди впервые услышали авторитетное свидетельство о неканоничности и недействительности монашеского пострига против воли постригаемого.³

Итак, Москва осталась без царя. В ней вспыхнул мятеж. И тогда патр. Гермоген – олицетворение русского патриотизма – решает на совершенно неординарный шаг. Он обращается к гетману Жолкевскому, командующему польскими войсками, чтобы тот ввел войска в Москву и подавил мятеж. (Гетман Жолкевский – одна из самых светлых фигур в той истории, не случайно патр. Гермоген и решил обратиться к нему.) А сам патриарх собрал представителей бояр, дворян московских, и с ними решал вопрос о будущей судьбе русского престола. Согласившись на то, чтобы пригласить в Москву Владислава (ему даже была принесена предварительная присяга), патр. Гермоген однако выдвинул несколько на первый взгляд необычных, и даже жестких условий. Владислав должен был принять Православие не иначе, как через крещение (в то вре-

мя на Руси католиков при переходе лишь миропомазывали). Далее требовалось, чтобы Владислав дал письменное обязательство, что не будет вступать ни в какие сношения с Ватиканом, и что женится он только на православной. Сверх того в России должна была быть введена смертная казнь за переход в католичество. Мысли и замыслы эти вполне на уровне той эпохи, и логика их ясна: патр. Гермоген, идя на риск приглашения на Русь польского королевича, стремился сделать все, чтобы не допустить насаждения унии. С такими условиями отправлялось на переговоры с польским королем Сигизмундом русское посольство, под возглавлением митр. Филарета (Романова), который оказался в Москве после разгрома тушинского лагеря.

Польша тогда вошла во вкус. Да – Смоленск еще не взят, но Россия совершенно беззащитна, и Сигизмунд уже отказался от мысли поставить своего сына на русский престол. Он надеялся заставить посольство безоговорочно признать его власть над Россией. Переговоры сразу же зашли в тупик. Желая оказать давление на русское посольство, поляки арестовали послов, но те не пошли на уступки. Гетман Жолкевский, возмущившись было предательством своего короля, был отозван из Москвы, что резко осложнило положение: если Жолкевского связывали нравственные обязательства перед патр. Гермогеном, и он вел себя в Москве не как захватчик, но как союзник, то теперь, когда переговоры были прерваны и гетмана убрали, – появляется другой командующий, который будет вести себя уже иначе. Москва же занята польской армией.

Теперь все зависит лично от патр. Гермогена: от него, ни от кого другого, ждут уступок. Всем понятно, что если он даст посольству разрешение уступить – они могут уступить. Он – единственный «лидер» страны, не имеющей царя, но пока еще имеющей патриарха. Однако патриарх не пошел на уступки. Более того – он начал рассылать из Москвы письма-проповеди, в которых призывал русских людей подняться на борьбу с поляками, которые совсем очевидно хотят лишь поработить страну. Эта патриаршая деятельность на фоне ре-

ального расклада кажется почти что донкихотством: старик, совершенно безвластный старец, без каких либо внешних сил, без войск, без союзников – пытается поднять страну на борьбу, всего лишь рассылая какие-то свои послания-воззвания – иначе говоря, действуя, просто как пастырь. Вот что пишет он в первом своем послании:

«Обращаюсь к вам, бывшим православным христианам всякого чина, возраста и сана, а ныне не ведая, как и назвать вас, ибо вы отступили от Бога, возненавидели правду, отступили от соборной апостольской Церкви, отступили от Богом венчанного и св. елеем помазанного царя Василия Ивановича. Вы забыли обеты православной веры нашей, в которой мы родились, крестились, воспитались и возросли; преступили крестное целование и клятву – стоять до смерти за дом Пресв. Богородицы и за московское государство, и пристали к ложномнимому вашему царю...»

Болят моя душа, болезнует сердце и все внутренности терзаются, все составы мои содрогаются. Я плачу и с рыданием вопию: помилуйте, братие и чада, свои души и своих родителей, отошедших и живых... Посмотрите, как отечество наше расхищается и разоряется чужими; какому поруганию предаются св. иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу! Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: не на Бога ли, сотворившего вас? Не на своих ли братьев? Не свое ли отечество разоряете?..»

Заклинаю вас именем Господа Бога, отстаньте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть вам до конца. А мы, по данной нам власти, примем вас, обращающихся и кающихся, и всем собором будем молить о вас Бога и упросим государя простить вас».

Как замечает А.В. Карташев, «это писано от большого пастырского сердца, горевшего любовью к Церкви и своему народу. Таким языком говорят подлинные вожди народа. Он не холодно бичует, но зовет и умоляет». Показательно, что героичность поведения патриарха начинают понимать уже современники.

В феврале 1611 г. патр. Гермогена арестовали и заточили в Чудов монастырь. Восста-

ние в Москве было подавлено. И все же призывы патр. Гермогена не остались без отклика в душах русских людей, тем более, что его дело продолжили архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий и его келарь Авраамий Палицын, также рассылавшие свои послания, и вот – к Москве двинулось стотысячное русское ополчение. Это – драматичный эпизод, потому что многие тогда выбирали: с кем быть. С поляками ли? С ополчением ли? С Мариной Мнишек, которая с казачьим атаманом Заруцким и со своим сыном Иваном тоже продолжала бороться за власть?

В январе 1612 г. русское ополчение было разгромлено и его предводитель, князь Пожарский, тяжело раненый, скрылся в одной из своих вотчин. Патр. Гермогена поставили перед выбором: либо уступки, либо смерть. Но он на уступки не пошел и 17 января 1612 г. в тюрьме умер – от голода, согласно преданию.

К этому времени в Нижн. Новгороде уже организовывалось новое ополчение: его возглавил простой посадский человек Косьма Минин, который собирает средства, вооружает, экипирует русских добровольцев в Нижн. Новгороде, куда они стекаются из разных земель. Минин обратился к Пожарскому, оправившемуся от ран, как к авторитетному военачальнику, и это новое русское ополчение двинулось в неимеющую уже не только царя, но и патриарха, Москву. Ополченцы несли перед собой список чудотворной Казанской иконы Божией Матери. (Когда икону в Казани обрели, первый молебен перед ней, как было сказано, служил будущий патр. Гермоген, на тот момент еще – иерей Ермолай).

Ополчение осадило Москву. Поляки перешли сначала в Китай-город, затем в Кремль. Там, в осажденном Кремле они оказались в тяжелейших условиях – были уже съедены все собаки, кошки, крысы, ели даже собственных раненых. Правда, с поляками оказалась небольшая группа знатных русских пленных, которых берегли и даже кормили, надеясь использовать как заложников, для спасения собственной жизни. В этой группе пленных, переживших весь ужас осады Китай-города и Кремля, находились как инокиня Марфа (не-

когда жена Федора Никитича Романова), так и ее сын Михаил Федорович Романов – подросток, которого она обрела после нескольких лет заточения. Их радостная встреча превратилась в тяжелейшее испытание.

Поляки вступили в переговоры с ополченцами и было достигнуто соглашение: сохранение жизни с обещанием обменять их позже на русских пленных и отправить в Польшу.

Далее «эпический» сюжет: поляки сдались и вышли из Кремля, а по обеим сторонам стоят две толпы. Одна толпа – ополченцы Минина и Пожарского, а другая – казаки Трубецкого. Казаки Трубецкого хотели было тут же перебить всех поляков, затем ворваться в Кремль и учинить новый грабеж – как бы продолжить Смуту. А ополченцы Минина и Пожарского защитили пленников от расправы и не допустили казаков в Кремль, тем самым показав, что в России появилась власть, способная страну не разрушать, а созидать.

Ополченцы освободили Москву, но что это означало по существу? Практически ничего. Страна была растерзана постоянной смутой, и восстания продолжались. Польская армия стояла уже не только у Смоленска, но и недалеко от Москвы. Шведская же армия была непонятно какой: то ли союзной, то ли враждебной, занимая русский север, – а в России не было ни царя, ни патриарха.

В этой ситуации возникло стремление как можно скорее созвать земский собор, дабы избрать на нем нового царя. Собор был созван скоро, уже в феврале 1613 г. На нем были представители разных областей, сословий, даже казаков: это был очень представительный, можно сказать – демократичный земский собор. Началось выдвижение кандидатов в цари. Но – какого бы кандидата ни выдвигали, каждый оказывался неудовлетворительным. Кто-то служил Лжедмитрию I, кто-то Лжедмитрию II, а кто-то и тому, и другому. Кто-то вместе с Шуйским расправлялся со своими оппонентами, кто-то свергал Шуйского. Даже кандидатура князя Пожарского была отвергнута на совершенно немислимом основании: потому что он брал взятки!⁴⁴ Понятие взятки было на Руси довольно расплывчатым:

государственные деятели не получали никакого жалования. Беря в управление город или область, тот или иной воевода исходил из того, что он, не получая жалования, будет существовать за счет благодарного населения. Эта система называлась «кормлением».

Собор зашел в тупик. Страна висела над пропастью, вот-вот рухнет, придут поляки и – никого нет. И тогда представитель (как бы сказали впоследствии) казачьих депутатов выдвинул кандидатуру Михаила Ф. Романова на замечательном основании: «хоть он умом и юн, и слаб, но – отрок чистый» (ни в чем, по просту говоря, не замешан; не успел еще себя никак проявить в политической деятельности). Здесь соединилось разное: с одной стороны – какая-то наивность, с другой же стороны – безысходность, а также наконец и вера в то, что когда все зрелые, опытные, почтенные – и Рюриковичи, и Гедиминовичи – себя так дискредитировали, то чистому отроку *Сам Господь поможет*.

После того, как было принято это решение, 21 февраля 1613 г., посольство собора срочно отправилось в костромской Ипатьевский монастырь, где находились пережившие страшную московскую осаду инокиня Марфа и ее сын Михаил. После многих уговоров, после усердных молитв перед Феодоровской иконой Божией Матери, инокиня Марфа ею благословила своего сына Михаила Федоровича на царство.

Заключение

Преодоление Смутного времени – великое чудо нашей истории. В глубине этих судьбоносных событий мы обретаем три лика все-российских святителей – Филиппа, Иова и Гермогена. И вступление на трон Романовых – это, можно сказать, самый «демократический» и, вместе с тем, духовный выбор России. Не было еще прецедента, чтобы такой собор, объединивший практически всех, в ужасе от того, что со страной делается, призывал бы на царство человека, который не обладал ничем, даже подобающим возрастом, – в надежде на то, что спасение придет свыше.

Примечания:

1. «Если же некий царь царствует над людьми, но над ним царствуют скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправда, гордость и ярость, злее же всего – неверие и хула, – такой царь не Божий слуга, но дьяволов, и не царь, но мучитель. Такого царя, за его лукавство, Господь наш Иисус Христос называет не царем, а лисицей» – далее ссылки на Лк. 13, 32, и проповедей Иез. 28, 17-19, Дан. 3, 32; 5, 20. «И ты не слушай царя или князя, склоняющего тебя к нечестию или лукавству, даже если он будет мучить тебя или угрожать смертью. Этому учат нас пророки, апостолы и все мученики, убиенные нечестивыми царями, но непокорившиеся их повелению.» (Преподобный Иосиф Волоцкий, Просветитель, Слово седьмое, М. 1993, С. 189.) или: <http://promolenko.narod.ru/literat/prosvetitel.htm> – Ред.

2. В 1596 г. на Западе под огромным давлением польских властей как ответ на московское патриаршество (1589) была заключена Брест-Литовская уния православных с Римом. – Ред.

3. Обычай насильного пострижения был дотоле на Руси своеобразной альтернативой смертному приговору для неудобных политических противников, или иногда – для неугодной жены. Однажды, в случае с постригом князя Вассиана Патрикеева, именно так была прямо заменена смертная казнь, в чем, может быть, заключается некоторое оправдание этой порочной практики. Но если она и была следствием обрядоверия, даже по сути языческого воззрения на христианские Таинства, то, однако, изобретена она была не на Руси – известны случаи таких пострижений в Византии, в иконоборческую эпоху. – и. Д. С.

Использованные источники:

- Аудиолекции проф. СДА прот. Георгия Митрофанова
- А.В. Карташев: Очерки по истории Русской Церкви
- А.В. Карташев: «Вселенские Соборы»
- В.О. Ключевский: Русская история
- С.М. Соловьев: История России с древнейших времен

С о д е р ж а н и е № 4 / 2 0 1 3	
• 1	Пасхальное послание архиеп. Марка
• 2	Архиепископ Аверкий (Таушев), Христосъ Воскресе!
• 4	Свят. Филарет Московский, Слово в неделю о Фоме
• 7	Преп. Юстин Челийский, Толкование на Послание к Галатам 5, 6-11
• 10	Митрополит Филарет (Вознесенский), Слово в Неделю о слепом
• 12	Из жизни епархии: январь – февраль
• 16	Иерей Димитрий Свистов, Выдающиеся русские церковные иерархи конца XVI века

«Вестник» является официальным органом Германской Епархии Русской Православной церкви Заграницей. Редакторы «Вестника» стараются по совести высказывать мысли, согласные с учением Святой Православной Церкви и нашей иерархии. Однако, при всем старании авторов, иногда могут допускаться ошибки. Ответственность за такие ошибки ложится исключительно на авторов статей и на редакторов «Вестника», но ни в коем случае не на Архиерейский Синод или Епархиальное управление, которые не ведут предварительной цензуры и не могут знать заранее, где и что будет напечатано. «Вестник» издается трудом и иждивением братства Преп. Иова в Мюнхене. Всех заинтересованных мы просим жертвовать на наш счет с соответствующим указанием на переводе.
 Счет монастыря:
 Kto. 53031-801 BLZ: 700 100 80 (Postbank Munchen) из-за границы: IBAN: DE29 7001 0080 0053 0318 01
 BIC: PBNKDEFF

Адрес Редакции «VESTNIK»
 Kloster des Hl. Hiob von Počaev
 Hofbauernstr. 26,
 D-81247 München – Deutschland
 Tel.: (089) 203 19 085
 Fax: (089) 88 67 77
<http://www.rocor.de>
<http://www.russianorthodoxchurch.ws> (США)

Клоппенбург. На престольном празднике прихода архиепископ Марк освятил новый купол с крестом.

ISSN 0930 - 9039